

Моск. правда.

2003. - 15 янв. - с. 6

В «Школу». На «Утренник»... К Пушкину?

Театр

«Школа драматического искусства». Попастъ в крошечный зал «студии на Поварской», рассчитанный на 60 - 80 мест, было почти невозможно. К тому же помещение бывшей бухгалтерии, выделенное в 37-м возникшему тогда театру, располагается в respectableм доходном доме И. Кальмеер (1913 - 1914 гг., архитектор В. Дубовской и художник И. Нивинский) - жилом и ныне. Плюс необычные принципы, насаждаемые зрителю главным «учителем» «Школы» А. Васильевым: из года в год театр на Поварской, 20, не имел никакой вывески, не давал о себе знать в общепринятых анонсах прессы и даже не продавал, а раздавал билеты промеж близких. Да и возможность лицезреть «школьников» в Москве представлялась куда реже, нежели публике Старого Света, - труппа, одна из двух в России, имеет титул «театр Европы».

А кто же у нас не слышал о Васильеве, проявившем себя яркими постановками в театрах Станиславского, «На Таганке», рижском ТЮЗа, - режиссере, выработавшем свою методику и привлекавшем в ряды «учеников» таких знаменитостей, как М. Терич, А. Петренко, А. Филозов, Н. Андрейченко и О. Фандера? Слышали и про то, что среди методов Анатолия Александровича были, дескать, многодневные голодания актеров во время репетиций и чуть ли не физические истязания, - так что не выдерживали многие, уходили. Театр же обростал слухами, домыслами, легендами. Но как туда попасть? Удостоверю: теперь гораздо свободнее...

К Всемирной театральной Олимпиаде весны - лета 2001-го творческими усилиями архитектора Б. Хора, художника И. Попова и самого А. Васильева труппе отстроили уникальное - базиликально-шатровое, с арками и зрериами - здание по Сретенке, 19. Тогда же весь комплекс, с залами «Манеж» (на 300 - 450 мест) и «Глобус» в форме восьмерика, внутренними галереями, «падающей» лестницей, помещениями для занятий балетом и музыкой, осяятили афонские иноки. Внутри было подготовлено и место под обустройство домовой Сретенской церкви, а основатель и руководитель «Школы» оделил сие начинание вкладом в размере собственной премии.

Итак, «взамен» дореволюционного синемаатографа «Урана», еще в конце 80-х переданного театру, но используемого им под репетиции и закрытого для широкого зрителя, на Сретенке ныне - целый ансамбль «Школы». Между тем: именно в объемах «Урана» готовились действия Васильева, переносимые затем на Поварскую. В частности, перенесут и поэтический спектакль «Пушкинский утренник». Вернемся на Поварскую и мы - тем более вскоре, по замыслу режиссера-педагога, ее уютные метры со входом через жилой подъезд в фойе-балкон над подвальными залом отдадут создава-

емому вузу - Высшей школе драматического искусства...

Мы в настоящей пушкинской Москве: неподалеку Арбат, где проживали веччавшиеся в «Большом Вознесении» Александр Сергеевич и Наталья Николаевна. Еще ближе, у Никитских ворот, сам храм и стоявший некогда на углу Никитской и Скарятинского дом Гончаровых. Да и непосредственно окрестности бывшей слободы царских кухарщиков поэт, думается, знал не понаслышке: бывал будто бы он в уничтоженном по Скатертному, 2, деревянному особнячке тестя Нащокина, а трагательная церковка Симеона «Поварской» упоминается им в 7-й главе «Евгения Онегина». В общем, нигде не денешься: дух Пушкина здесь почти что зримый. А есть ли он в начинающемся с восьмью вечера «Утреннике» Васильева?

На первый взгляд, нет. Актеры И. Яцко, А. Ануров, М. Зайкова, А. Казакова, К. Гребенщиков то ли искренне, с переходящим в экцентризму пафосом, то ли дуррачась, декламируют строчки из десятка стихов, сказок и «Онегина». При этом стильному тещу позволительно мимировать звуки мухи и пудить мнимое насекомое, а элегантным чтивам - приклеивать доставаемые из шкатулки усы или приносившаяся к содержимому табакерки. Поначалу закрадывается сомнение: можно ли так читать Пушкина! Потом чувствуешь в действии пушкинские самоиронии и насмешку, пародию артистов на официоз недавнего юбилея и штамб «наше все». А позже, прикидывая, что «все» - это и все очень разное, соглашаешься с предлагаемыми интонациями: можно.

И впрямь: поэт был всяким, неоднозначным и сложным - соответственно ситуации, обстановке, настроению, житейскому опыту. Был страстным и беспринципным, принципиальным и беспринципным, меланхоличным и взрывным. Пушкин, вступивший в масоны, и слезный исповедник грехов. Пушкин - чиновник и бунтарь. Пушкин с пикой в

бою и стреляющийся с друзьями и родственниками на дуэлях. Известен Пушкин - повеса, игрок и охальник, сглававший непристойности. Но и иной тоже жил - на него доносила содержательница столичного притона: «тот» Пушкин уговорил ее девиц бросить ремесло и начать за его счет чистую жизнь. Видимо, «тот» же «вынес в люди» цикл духовных стихотворений «Пророк».

К слову, поэт ценил и сцену: кому неизвестно из «Онегина»: «блистательна, попувоздушна», - а это образ прима танца Истоминой. К тому же автор сего водел знакомства со Щепкиным, Е. и Н. Семеновыми и даже набросал в черновиках «Мои заметки о русском театре». «Хочется театра», - пожалится он из Нишинева Гнедичу, а Гоголю позже подкинет сюжеты «Мертвых душ» и «Ревизора». И вообще: вспомним дюжину пушкинских наименований, обогативших наши драматические и оперные площадки...

«Не забыл» их и Васильев: «Каменный гость», «Моцарт и Сальери», «Утренник». На мой взгляд, и перенесенный им на Сретенку незаурядный «Плач Иеремиев» с духовным ансамблем «Сирин» не обогасе без присутствия Александра Сергеевича, любившего Библию и особенно книги Ветхого Завета... Да, в «Школе» поняли: безграничный Пушкин - один человек, а его психологический клубок - это и абиссинские корни, и вольтерьянство отца, и сказания нянюшки, и волюнтарство Лицея; это - жизнь, разнородная и непростая. Вот и приглянулось здесь блоковское: «Наша память хранит с малолетства все-кое имя - Пушкин». И насмешливо, конечно: куда без знакомых всем пушкинских карикатур, розыгрышей, эпилграмм на Аракчеева и архимандрита Фокня, собрания исторических анекдотов на тему XVIII столетия, подтруниваний над собой и своими героями, пародий - в том числе на Жуковского? Нигде, похоже: часть нашей жизни. А пародировать пытались и самого Пушкина (Каверин, Полевой, Мартынов, некто Тростин) - да вот беда, походило это все более на подражательство. Смею заверить, у Васильева подражательства нет - есть оригинальное прочтение. В том особенном, васильевском, видении, естественно, и залог успеха театра: будь то на родных или заморских подмостках, в инсценировках Лермонтова, Достоевского или... православных песнопений. Будь то «весьелья» и енасмешливый Пушкин...

Так что - к Васильеву, его поэту. На его «Утренник». В его «Школу». Звонок дает Поварская.

Алексей МИНКИН.